

**АБГАР РУБЕНОВИЧ ИОАННИСЯН:
ПОРТРЕТ ИСТОРИКА
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

В. А. Погосян

Значение вклада советских исследователей в изучении истории Франции трудно переоценить. Советская историография изначально проявляла повышенный и с течением времени все более возраставший интерес к новой истории этой страны, активно разрабатывая проблематику французских революций XVIII–XIX вв., эволюцию социально-экономических отношений и общественной мысли, в частности, коммунистических идей. Этими сюжетами занималась целая плеяда выдающихся ученых с мировым именем, исследования которых были высоко оценены в международных научных кругах.

Академики В. П. Волгин и Н. М. Лукин в 1920-х годах приступили к обучению и воспитанию первого поколения советских историков, став основоположниками марксистской исторической науки, многим представителям которой было суждено не только достойно продолжить заложенные «русской школой» добрые давние традиции в исследовании истории Франции, но в дальнейшем достичь и новых высот. В 1960-х — 1970-х гг. на международной арене были широко известны имена таких крупных советских ученых, как А. З. Манфред, Б. Ф. Поршневу, В. М. Далину, Ф. В. Потемкину, труды которых были переведены на многие иностранные языки и заняли почетное место в мировой исторической науке. Среди них особое место занимает ученик В. П. Волгина, академик Национальной АН Армении Абгар Рубенович Иоаннисян (1908-1991). Получив научное крещение в 1920-х — 1930-х гг., он всецело посвятил свою жизнь бескорыстному служению музе Клио и создал ценные научные труды не только о французской обще-

Варужан Арамаздович Погосян, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Армении.

ственной мысли XVIII–XIX вв., но и об армянском освободительном движении XVIII в., прославившие его имя в советской и мировой исторической науке.

А. Р. Иоаннисян родился в Тифлисе (ныне Тбилиси), в семье юриста. Его дед по отцовской линии — Абгар Арутюнович Иоаннисян (1849–1904) — был известным общественным деятелем, видным публицистом, возглавлявшим армянское национально-консервативное движение в последней четверти XIX в.

Профессиональное становление А. Р. Иоаннисяна совпало со сложной эпохой формирования советской марксистской исторической школы. Мы отнюдь не склонны утверждать, что самоутверждение марксистской исторической науки в 1920-е — 1930-е гг. привело к однозначно положительным результатам. Она не только открыла широкие возможности для углубленного познания исторического прошлого через изучение социально-экономических отношений, но одновременно во многом ограничила возможности свободного развития исторической мысли в СССР. Стремясь к идеологической монополии в историографии, исследователи-марксисты почти полностью игнорировали достижения зарубежной немарксистской исторической мысли, подвергая беспощадной, подчас ничем не оправданной критике новые, далекие от марксизма подходы, предлагавшиеся западными исследователями.

В таких условиях, представители первого поколения историков-марксистов сознательно умаляли значение деятельности немарксистских исторических школ и направлений, с молодым задором и страстью вели непримиримую борьбу не только против полностью не принимавших марксизм выдающихся представителей «русской школы», таких, к примеру, как Н. И. Кареев и Е. В. Тарле, но и против авторитетных зарубежных исследователей (как А. Матъез, например), не признававших марксизм единственно возможной методологией в интерпретации истории человечества. При этом на оппонентов возлагались не имевшие ни малейшей основы политические обвинения¹.

Еще на заре своего возвышения марксистская наука четко определила приоритетные для нее сферы исследований, а именно — изучение политической истории и идеологии левых течений в тесной связи с историей социально-экономических отношений.

Человек своей эпохи, А. Р. Иоаннисян как историк не составлял исключения из общего правила. Его творчеству были полностью при-

¹ См., например: *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. М.: Л. 1931; Полемика Альбера Матъеза с советскими историками. 1930–1931 гг. / Предисл. В. А. Дунаевского // НиНИ. 1995. № 4. С. 199–211.

суши многие из характерных для марксистской исторической науки черт. После окончания Ереванского государственного университета он приступил под руководством В. П. Волгина к углубленному изучению истории французского утопического коммунизма, интерес к которой, по его признанию, у него возник еще в студенческие годы, когда он в Национальной библиотеке Армении впервые познакомился с работами французских утопистов.

Первые работы А. Р. Иоаннисяна 1920-х — 1930-х гг., посвященные Ретифу де ла Бретону и Шарлю Фурье, были написаны на опубликованных источниках² и легли в основу его кандидатской и докторской диссертаций, которые он защитил соответственно в 1935 г. в АН СССР и 1938 г. в МГУ. Такое отношение к источниковедческой базе было, в целом, весьма характерно для молодой поросли советских историков. Воодушевленные новой марксистской методологией, имевшей, как это им представлялось, неоспоримое превосходство над всеми остальными, в 20-х — 40-х гг. советские исследователи истории стран Западной Европы в большинстве своем не придавали должного значения изучению архивных документов. В равной степени это относилось и к тем немногим из них, кому была предоставлена возможность поработать в зарубежных странах³. Очевидно, что речь шла о специфическом менталитете целого поколения исследователей.

Тем не менее, уже первые работы А. Р. Иоаннисяна прочно обеспечили ему репутацию зрелого исследователя. В. П. Волгин в письме от 10 февраля в 1931 г. к руководству Ереванского государственного университета так характеризовал своего ученика: «Тов. Абгар Иоаннисян ведет под моим руководством работу по изучению французского социализма XVIII в. Считаю эту работу имеющей большое значение для выявления предшественников научного социализма, — а следовательно и для построения общей концепции развития социалистических идей. Тов. Иоаннисян обладает для выполнения этой задачи достаточными знаниями и незаурядными способностями научного исследователя»⁴. О приобретенной А. Р. Иоаннисяном в те годы известности свидетельствует также предложение принять его, в числе других

² *Иоаннисян А. Р.* Ретиф де ла Бретон // Ретиф де ла Бретон. Южное открытие, произведенное летающим человеком, или французский Дедал. М., Л., 1936. С.V–LVIII; *Он же* Генезис общественного идеала Фурье. М.-Л. 1939.

³ См. например: *Далин В. М.* Из истории социальной мысли во Франции. М. 1984. С.6–8.

⁴ Национальный архив Республики Армения (далее: НА РА). Ф.1169 (А.Р.Иоаннисяна). Оп.1. Д.251. Л.1.

видных специалистов по истории Запада, на постоянную работу в Институт истории АН СССР, с которым в 1940 г. выступил один из руководителей сектора новой истории этого Института Ф. В. Потемкин⁵.

И все же в дальнейшем одной из главных особенностей творчества А. Р. Иоаннисяна стало скрупулезное изучение прошлого на основе широчайшего круга неопубликованных архивных документов. В 1940-х гг. он приступил к исследованию еще никем до того времени не разрабатывавшейся истории армянского освободительного движения XVIII в., широко используя материалы советских архивов. Он посвятил этой теме две книги, впервые раскрыв многие совершенно неизвестные страницы данной темы, в частности сюжет о важной положительной роли России в исторических судьбах армянского народа⁶.

На одну из этих книг сразу же откликнулся академик Е. В. Тарле, написавший А. Р. Иоаннисяну в письме от 18 декабря 1946 г. [sic! еще до выхода книги из печати]: «Только что получил Ваш труд „Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия“». Уже из беглого просмотра получается впечатление очень интересного и солидного исследования. Прошу его немедленно; я как раз скоро буду обрабатывать главу о походе В. Зубова и его антецедентах [предшественниках — *Прим. ред.*]»⁷. Из этих строк нетрудно понять, сколь большой интерес он проявил к этой книге.

Поэтому, вполне закономерно, что, учитывая научные достижения своего подопечного, вице-президент АН СССР В. П. Волгин в связи с выборами в 1947 г. в АН Армянской ССР, выдвинул его кандидатуру на место академика и тогда еще молодой историк был избран членом Академии⁸.

Однако судьба уготовила его книге, столь высоко оцененной Е. В. Тарле, трудную участь, ибо она далеко не у всех вызвала положительную реакцию. На закате сталинской эпохи, при неизвестных нам обстоятельствах, А. Р. Иоаннисян, подобно Галилею, фактически, был вынужден отречься от своих научных убеждений и публично выступить в научной печати с «самокритикой»⁹. Судя по его выступлению,

⁵ См.: *Ревякин А. В.* Федор Васильевич Потемкин // *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. 2. Всеобщая история. М. 2000. С. 398.

⁶ *Иоаннисян А. Р.* Иосиф Эмин. Ереван. 1945; *Он же.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван. 1947.

⁷ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Лл. 9–9 об.

⁸ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 261. Лл. 9–10.

⁹ *Иоаннисян А. Р.* По поводу моей книги «Россия и армянское освободительное

на него возложили вымышленные политические обвинения, суть которых сводилась, в частности, к недооценке автором прорусской ориентации азербайджанского народа и исторического значения его борьбы против турецких и персидских поработителей. Последняя не получила в книге такого же отражения, как борьба армянского и грузинского народов. А. Р. Иоаннисяну ничего не оставалось, как «признать» свои мнимые ошибки, каковые он объяснил тем, что якобы попал под влияние «буржуазной историографии».

С высоты наших дней его поведение может показаться странным. Но если иметь в виду сложившуюся тогда в СССР политическую ситуацию, то станет очевидным, что в противном случае, перед ним вырисовывалась бы печальная, но весьма реальная перспектива оказаться в числе политзаключенных сталинских лагерей. Поскольку такой оборот событий его, естественно, не прельщал, он, дабы не разделить горькую судьбу многих своих коллег (В. М. Далина, Я. М. Захера и др.), вынужден был принять ничем не обоснованную с научной точки зрения «критику» в свой адрес.

Однако в последние годы жизни, уже в новых исторических обстоятельствах, А. Р. Иоаннисян переиздал обе книги по истории армянского освободительного движения¹⁰, тем самым, как и Галилей, фактически объявив недействительным прежнее отречение от своих взглядов.

Завершением цикла исследований по истории армянского народа стала его монография о перипетиях политики европейских держав на Востоке в эпоху наполеоновских войн¹¹. В отличие от предыдущей темы, здесь уже он имел предшественников, в том числе известных. Привнесенная им в наполеоноведение научная новизна была обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, он по-новому интерпретировал политику европейских держав, доказав, в отличие, к примеру, от А. Вандаля, антирусскую направленность политики Наполеона на Востоке, в том числе после заключения Тильзитского договора¹².

движение в 80-х годах XVIII столетия» // Известия: общественные науки (Ереван). 1950. №4. С.83–88.

¹⁰ *Иоаннисян А. Р.* Иосиф Эмин. Ереван. 1989; *Он же.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван. 1990.

¹¹ *Иоаннисян А. Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX века. Ереван. 1958.

¹² К сожалению, некоторые зарубежные исследователи, для которых из-за незнания ими русского языка книга А. Р. Иоаннисяна осталась недоступной, в 1990-х годах трактовали политику Наполеона на Востоке в духе своих французских предшест-

Во-вторых, А. Р. Иоаннисян ввел в научный оборот неизвестные зарубежным историкам архивные и опубликованные источники, в частности, на русском и армянском языках, что позволило ему нарисовать гораздо более многогранную картину событий, чем у его немногочисленных предшественников, в том числе в известной книге Э. Дрио¹³.

Однако особенно незаурядный исследовательский талант и высочайшие научные дарования А. Р. Иоаннисяна проявились в 1960-х — 1980-х гг. Если почти все его коллеги вынужденно ограничивались изучением материалов отечественных архивов, то он с начала 1960-х гг. получил редкую для советских историков возможность регулярно проводить научные изыскания в архивохранилищах и библиотеках Франции. За этот период он написал пять монографий, посвященных неизученным или слабо изученным аспектам истории французской коммунистической и социалистической мысли XVIII—XIX вв.

Первостепенной заслугой А. Р. Иоаннисяна является исследование творчества некогда достаточно известных, а впоследствии преданных забвению социальных мыслителей. Наилучшим примером такой работы является его фундаментальный труд о развитии коммунистических идей в годы Французской революции XVIII в., где представлена целая галерея малоизвестных ныне представителей коммунистической мысли: Г. Борье, Ж. К. Шапюи, Ж. А. В. Юпей, Ж. Греню, Р. Ф. Дебон, М. Кюбер и др.¹⁴. Проведя глубокий анализ их учений, А. Р. Иоаннисян первым из историков Французской революции выявил не только важнейшие особенности развития коммунистических идей во Франции в 1789—1794 гг., но и уточнил географию их распространения¹⁵. В. М. Далин по праву охарактеризовал эту книгу как сплошную цепь находок и открытий¹⁶.

В последующих работах А. Р. Иоаннисян первым проанализировал эволюцию коммунистической мысли во Франции периода Первой империи, а затем на примере таких мыслителей, как Ж. Гей, Ж. Рей

венников (См., например: *Amini. Napoleon et la Perse. Paris. 1995*), обойдя вниманием гораздо более фундированную интерпретацию советского историка.

¹³ *Driault E. La politique orientale de Napoleon. Sebastiani et Gardane (1806-1808). P., 1904.*

¹⁴ *Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М. 1966. Пер. на франц. яз.: Ioannissian A. Les idées communistes pendant la Révolution française. М., 1984.*

¹⁵ Подробно см.: *Дунаевский В. А., Кучеренко Г. С. Западноевропейский утопический социализм в работах советских историков. М. 1981. С. 122–127.*

¹⁶ *Далин В. М. Историки Франции XIX–XX веков. М. 1981. С. 159.*

и М. А. Жюльен, проследил пути и перепутья ее развития в годы Второй Реставрации¹⁷. В последних же своих книгах он досконально изучил влияние коммунистических идей на развитие революционного движения во Франции в 1840-х гг.¹⁸. Предшественники А. Р. Иоаннисяна изучали историю коммунистической мысли преимущественно на основе опубликованных источников, он же ввел в научный оборот массу впервые обнаруженных им архивных документов, благодаря чему мы вправе оценить его труды как новаторские. О том же свидетельствуют и многочисленные оценки ведущих специалистов в этой области¹⁹.

На протяжении всей своей научной деятельности А. Р. Иоаннисян неоднократно обращался к сложному для историка биографическому жанру. Его привлекали как крупные фигуры, оставившие глубокий след в истории, так и, казалось бы, прочно забытые деятели, чьи имена стали достоянием научной общественности именно благодаря его кропотливым изысканиям. Последнее обстоятельство отличает Абгара Рубеновича от его коллег, таких больших мастеров исторического портрета, как А. З. Манфред, В. Г. Трухановский, Н. Н. Молчанов, С. Л. Утченко, которые изучали деятельность только очень известных государственных, политических и военных деятелей.

Биографические исследования А. Р. Иоаннисяна о видном деятеле армянского освободительного движения XVIII в. И. Эмине и французском социалисте Ш. Фурье, наряду с книгами того же жанра вышедшими из под пера его близкого друга А. З. Манфреда²⁰, являются образцовыми примерами глубокого изучения процесса эволюции политических и общественных взглядов того или иного деятеля на фоне исторической эпохи. К вполне завершенным, самостоятельным исследованиям биографического характера можно по праву отнести

¹⁷ *Иоаннисян А. Р.* К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX века. М. 1981.

¹⁸ *Иоаннисян А. Р.* Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. М. 1983; *Он же.* Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842–1847 гг. М., 1986; *Он же.* Революция 1848 года во Франции и коммунизм. М., 1989.

¹⁹ См., например: *Далин В. М.* Указ. соч. С. 159–160, 280; *Дунаевский В. А., Кучеренко Г. С.* Указ. соч. С. 49–50, 58–61, 73–74, 77–78, 122–127.

²⁰ В личном архиве А. Р. Иоаннисяна сохранилось множество теплых писем А. З. Манфреда, написанных в 1960-х — 1970-х гг. Письма эти, личного и служебного характера, являются неопровержимым доказательством бескорыстной дружбы и тесного научного сотрудничества двух выдающихся историков. См.: НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257.

также его обстоятельные этюды, посвященные Ретифу де ла Бретону и Буасселю в монографии «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции». Тем самым А. Р. Иоаннисян выполнил волю своего учителя В. П. Волгина, посоветовавшего ему еще в 1947 г., при выдвижении в академики АН Армянской ССР, написать полную биографию Ретифа де ла Бретона²¹.

Как и подавляющее большинство историков его поколения, независимо от гражданства и национальной принадлежности, А. Р. Иоаннисян был строго кабинетным и профессиональным исследователем. В XX в. историки разрабатывали либо одну-единственную, но широкую тему (классическим тому примером служат такие французские ученые, как А. Собоуль, Ж. Р. Сюратто, М. Вовель), или же испытывали свои силы как максимум в двух больших темах. При существовавшем в ту эпоху уровне развития исторической науки иначе и быть не могло.

В 1920-х годах большинство отечественных исследователей, принадлежавших к формировавшейся советской исторической школе, избрали второй путь, на наш взгляд, более предпочтительный. В известной мере такой выбор был обусловлен спецификой того четырехгодичного образования, которое они получали в Институте красной профессуры, где на каждом курсе слушатели принимали участие в работе двух семинаров по разным темам²². Подобный опыт способствовал определению научных интересов будущих исследователей и оказывал влияние на выбор тех тем, изучению которых они посвятили всю свою жизнь. А. Р. Иоаннисян так же, как и его сверстники, в духе времени избрал себе две области научных интересов и никогда не проявлял ни малейшего желания выйти за их рубежи.

Но при этом А. Р. Иоаннисян, как и все профессиональные историки, говорил о своих научных заслугах очень редко, неохотно, лишь при крайней необходимости и весьма сдержанно. Хотя его имя уже с достаточно давних пор было широко известно в международном сообществе историков Французской революции, он, беседуя с автором этих строк в декабре 1975 г., сказал о себе следующее: «Обо мне говорят, что я специалист по истории Французской революции. Но это не так. Если вы прочтете мою книгу, вы ничего там не найдете по истории самой революции. Я специалист только по истории идей». С того времени прошло уже больше тридцати лет. И сегодня, оглядываясь назад,

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 261. Л. 9.

²² См. об этом: *Далин В. М.* С. С. Бантке — историк // Памяти С. С. Бантке. (Из истории революционной движения в Бессарабии). Кишинев. 1970. С. 58–59.

могу констатировать, что на протяжении десятилетий в узких научных кругах специалистов по истории Франции о нем высказывалось именно такое мнение — как о крупнейшем специалисте по истории общественной мысли периода Французской революции.

Уже первые научные работы А. Р. Иоаннисяна ярко демонстрировали одну из характерных черт его творчества — стремление идти непроторенными путями. В обеих областях своих научных интересов он неизменно выбирал слабо освещенные или вовсе неисследованные аспекты прошлого. При этом он отнюдь не стремился подчеркнуть собственное новаторство. В предисловиях к своим книгам А. Р. Иоаннисян добросовестно указывал имена всех тех немногих предшественников, кто внес хоть какой-то, пусть даже самый незначительный вклад в разработку изучаемых им проблем, причем он всякий раз воздерживался от акцентирования отличий между его книгами и работами других авторов. Так же скромно обходил он молчанием вопрос об определении своего места в историографии указанных тем, предпочитая оставлять комментарии на сей счет другим специалистам. Зато при необходимости он непременно указывал на собственные неточности, которые изредка допускал в своих предыдущих исследованиях²³.

Следует подчеркнуть, что в некоторых принципиальных вопросах А. Р. Иоаннисян занимал позицию отличную от позиции большинства других представителей его поколения. Речь, в частности, идет об отношении к выдвинутым зарубежными немарксистскими исследователями новым концептуальным подходам, противоречившим марксистской интерпретации истории. А. Р. Иоаннисян в этом вопросе проявлял обычно гораздо больше сдержанности и объективности, нежели большинство его коллег. Я могу об этом судить, главным образом, по личным разговорам с ним. Однажды он заговорил об «атлантической» теории Ж. Годшо, полностью шедшей вразрез с марксистской интерпретацией революций XVIII в. Тогда эта теория оказалась под огнем беспощадной критики советских и зарубежных историков-марксистов — А. З. Манфреда, А. Соболя и др. А. Р. Иоаннисян же в ходе нашей беседы отозвался о ней намного более умеренно: «Если бы Годшо не назвал свою теорию „атлантической“, вокруг нее не поднялось бы такого шума», — тихим голосом сказал Абгар Рубенович.

В условиях крайней политизации и идеологизации исторической науки в СССР, советские историки не только в первые послереволюционные десятилетия, но и в 1960-х — 1970-х гг. крайне остро реа-

²³ См., например: *Иоаннисян А. Р.* Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. С.10.

гировали на изредка появлявшиеся в отечественной историографии отклонения от общепринятых трактовок отдельных проблем истории Французской революции. В 1970 г. руководство Института всеобщей истории АН СССР официально пригласило А. Р. Иоаннисяна принять участие в симпозиуме по проблемам якобинской диктатуры, организованном сектором истории Франции²⁴. Зная о политизированном характере предстоявшей полемики²⁵, он предпочел уклониться от присутствия на этом мероприятии.

Одной из характерных черт творческого почерка А. Р. Иоаннисяна являлась концентрация сил, главным образом, на написании монографий. Отлично сознавая, что долгая жизнь суждена одним только книгам, а не статьям, он однажды в нашей беседе честно признал: «Я статей писать не люблю». В негативном отношении А. Р. Иоаннисяна к написанию статей далеко не последнюю роль играло то, что его крайне раздражали сокращения или «исправления», которые редакции советских исторических журналов зачастую делали без ведома авторов. Как бы то ни было, на статьи он старался не размениваться. Помню, как в 1982 г. он дипломатично отклонил предложение В. М. Далина предоставить в виде статьи для публикации во «Французском ежегоднике» одну из глав будущей книги «Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг.»²⁶. К слову сказать, в архиве А. Р. Иоаннисяна я обнаружил многочисленные тексты его выступлений на русском и французском языках, как по истории французской общественной мысли, так и по истории армянского народа, которые он представлял, в основном, на международных коллоквиумах, но потом так и не захотел опубликовать в виде статей.

В отличие от советских и французских коллег — А. З. Манфреда, В. М. Далина, А. В. Адо, Ж. Годшо и др., А. Р. Иоаннисян на протяжении

²⁴ В архиве А. Р. Иоаннисяна сохранилось официальное приглашение руководства Института всеобщей истории от 21 апреля 1970 г. См.: НА РА. Ф.1169. Оп.1. Д.257. Л.30.

²⁵ Проблемы якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР 20–21 мая 1970 г. // ФЕ 1970. М., 1972. С.272–313. Подробнее об этом см.: *Летчфорд С. Е.* В. Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // ФЕ 2002. М. 2002. С.207–222; *Чудинов А. В.* Размышления о скрытых смыслах дискуссии по проблеме якобинской диктатуры (60-е — 80-е годы XX в.) // ФЕ 2007. М. 2007. С.256–265.

²⁶ В архиве А. Р. Иоаннисяна сохранилось множество предложений о написании статей, поступавших из самых авторитетных советских исторических изданий, на которые он, однако, реагировал неизменно отрицательно.

нии всей своей долгой деятельности никогда не выказывал интереса к самой сложной из дисциплин исторической науки — историографии, явно не имея вкуса к критическому анализу научного наследия своих предшественников. Почти такое же отношение он проявлял к исследованиям современников. Оценка новейших достижений исторической науки его не привлекала. За все годы им было опубликовано лишь несколько рецензий, при том, что, к примеру, перу Ж. Годшо их принадлежало больше тысячи.

В научной деятельности А. З. Манфреда, В. М. Далина, В. Г. Трухановского и многих других коллег и современников А. Р. Иоаннисяна немалое место занимала редакторская работа. О нем самом того же сказать нельзя. Он, конечно, внес свою лепту в редактирование таких авторитетных коллективных изданий, как «Всемирная история», Армянская советская энциклопедия, возглавлял работу редколлегии серии «Литературные памятники», издававшейся на армянском языке. Тем не менее, едва ли можно считать редакторскую работу его стихией. А. Р. Иоаннисян был ответственным редактором только двух книг²⁷, крайне редко соглашался стать членом редакционной коллегии того или иного издания²⁸. По свидетельству главного редактора «Историко-филологического журнала» АН Армении М. Г. Нерсисяна, на все его предложения о вхождении А. Р. Иоаннисяна в состав редакционной коллегии этого издания тот отвечал отказом.

А. Р. Иоаннисян, однако, активно занимался педагогической и административной работой. В 1931–1960 гг. он читал курс по Новой истории Западной Европы в Ереванском государственном университете, в 1938–1960 гг. занимал там же должность заведующего кафедрой по Новой истории, а в 1938–1947 гг. — проректора по науке. Почти сорок лет он занимал высокие руководящие посты в отделении гуманитарных наук АН Армении: директора Института истории (1947–1953), академика-секретаря (1949–1960), вице-президента (1960–1963, 1967–1986) и др. Благодаря его личным усилиям было налажено тесное научное сотрудничество между АН Армянской ССР и АН Венгрии, результатом которого стал ценный сборник статей по истории

²⁷ История армянского народа. Ереван, 1951; Григорян В. Р. Ереванское ханство в конце XVIII столетия (1780–1800 гг.). Ереван, 1958. На арм. яз.

²⁸ Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. С древности до конца XVIII в. М. 1975; Он же: Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. М. 1976; Он же. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М. 1977; Он же. Французский утопический коммунизм. М. 1979; Он же. Статьи и выступления. М. 1979.

армяно-венгерских связей, написанный с участием сотрудников обеих организаций²⁹.

Тем не менее, А. Р. Иоаннисян отличался величайшей личной скромностью. Так, накануне своего семидесятилетия он 6 марта 1978 г. письменно обратился к президенту АН Армении академику В. А. Амбарцумяну с убедительной просьбой воздержаться от организации каких либо торжественных церемоний и чествований: «В мае этого года мне исполняется семьдесят лет. В этой связи обращаюсь к Вам заблаговременно со следующим просьбой. Я не хочу не только какого-либо чествования, но и рассылки извещений (как это часто делается) с указанием, что „юбиляр отказывается от официального чествования; поздравления просим направить по такому-то адресу“. Я не хочу, чтобы в прессе обо мне были опубликованы какие-либо статьи или заметки. Словом я на самом деле и искренне не хочу, чтобы мое семидесятилетие было не только так или иначе отмечено, но даже упомянуто. Если я своим долголетним трудом заслужил хоть малейшее к себе уважение, то смею надеяться, что эта моя просьба будет выполнена»³⁰.

А. Р. Иоаннисян на самом деле не приветствовал публикацию о себе юбилейных статей, насыщенных, как это часто бывает, лестными эпитетами в адрес юбиляров. В 1983 г. редактор журнала АН Армянской ССР «Вестник общественных наук» при моем посредничестве обратился к В. М. Далину с просьбой написать юбилейную статью в связи с 75-летием А. Р. Иоаннисяна. Высоко ценивший его В. М. Далин сразу же согласился и выполнил эту просьбу³¹. Однако эта публикация, подготовленная без ведома А. Р. Иоаннисяна, вызвала, как свидетельствовал В. М. Далин, его бурное негодование.

Что же касается личных качеств А. Р. Иоаннисяна, то считаю необходимым обратить внимание на глубочайшую внутреннюю культуру этого человека. Ограничусь одним примером. В мае 1977 г. мне, в то время еще студенту пятого курса Ереванского государственного университета, позвонила его, тогда вице-президента АН АрмССР, секретарша и сказала: «Абгар Рубенович извиняется перед вами за то, что сегодня он вас принять не сможет».

Весомый вклад А. Р. Иоаннисяна в науку был по достоинству оценен как отечественными, так и зарубежными исследователями исто-

²⁹ Из истории армяно-венгерских исторических и культурных связей. Ереван, 1983. На арм. яз.

³⁰ НА РА. Ф.1169. Оп.1, Д.249. Л.1.

³¹ Далин В., Микаелян В. Выдающийся историк и крупный организатор науки // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1983. №6. С.99–103.

рии общественной мысли и Французской революции, неоднократно дававшими его исследованиям самые высокие отзывы в научной печати³². За свою книгу «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» он был удостоен в 1974 г. премии АН СССР имени академика В. П. Волгина.

Заслуги А. Р. Иоаннисяна были высоко оценены и советским правительством. Он, как уже отмечалось, занимал высокие академические должности, был награжден многими орденами и медалями. И все же его вклад в мировую историографию не был, на мой взгляд, по достоинству оценен советской Академией наук. В 1964–1984 гг. А. Р. Иоаннисян неоднократно баллотировался на выборах в члены-корреспонденты и в академики АН СССР, однако ее двери так и не открылись перед ним, как и перед многими его друзьями и коллегами — Б. Ф. Поршневым, А. З. Манфредом, С. Л. Утченко, М. А. Баргом и др.

Со дня смерти А. Р. Иоаннисяна, наступившей 3 декабря 1991 г., прошли годы. Сегодня уже нет в живых его сверстников — ни друзей, ни недоброжелателей. Стало достоянием истории и присущее некоторым из его коллег пристрастное к нему отношение. Время не только самый жестокий, но и единственно беспристрастный арбитр для историка. Монографиям А. Р. Иоаннисяна, так же, как книгам его близких друзей А. З. Манфреда и В. М. Далина, оказалась суждена долгая жизнь. На его работы ссылаются как историки-франковеды, так и специалисты по истории армянского народа, в том числе представители новых поколений исследователей, недавно пришедших в науку и уже не имевших личного общения с ним.

Его краткую оценку как маститого историка дал, разговаривая в 1975 г. с автором этих строк, директор Эрмитажа академик Б. Б. Пиотровский: «Абгар Рубенович — украшение вашей Академии». И, без всякого сомнения, его имя именно таковым и останется в памяти будущих поколений историков.

³² В архиве А. Р. Иоаннисяна сохранились также весьма лестные и неопубликованные по сей день отзывы В. П. Волгина, Н. М. Дружинина, А. З. Манфреда, В. М. Далина на некоторые из его опубликованных работ, а также на рукописи книг. См.: НА РА. ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Лл. 28; Д. 261. Лл. 1–8; Д. 265. Лл. 1–5; Д. 26С. Лл. 1–4.